

Л. Калюжная

Андрей Платонович Платонов

(1899–1951)

Андрей Платонович Платонов (настоящая фамилия Климентов) родился в Ямской Слободе на окраине Воронежа 20 августа (1 сентября) 1899. Его отец, машинист паровоза, был довольно известным в городе лицом, о нем как о талантливом изобретателе-самоучке не раз писали местные газеты. Мать, простая, глубоко верующая женщина, сумела передать сыну христианское мироощущение. Андрей был старшим из одиннадцати детей. Учился в церковно-приходской школе и городском училище. С 14 лет начал работать — рассыльным, литейщиком на трубном заводе, помощником машиниста. Литературные наклонности обнаружились у него довольно рано — с 12 лет сочинял стихи. После революции, в 1918, поступил в железнодорожный политехникум на электротехническое отделение. Воодушевленный новыми идеями времени, участвовал в дискуссиях Коммунистического союза журналистов, публиковал статьи, рассказы, стихи в воронежских газетах и журналах («Воронежская коммуна», «Красная деревня», «Железный путь» и др.).

В 1919 как рядовой стрелок железнодорожного отряда, а также как «журналист советской прессы и литератор», участвовал в Гражданской войне, получив боевое крещение в стычках с белыми частями Мамонтова и Шкуро.

В 1920 в Москве состоялся Первый Всероссийский съезд пролетарских писателей, где Платонов представлял Воронежскую писательскую организацию. На съезде проводилось анкетирование. Ответы Платонова дают представление о нем, как о честном (не сочиняющем себе «революционное прошлое», как другие) и довольно уверенном в своих силах молодом писателе: «Участвовали ли в революционном движении, где и когда?» — «Нет»; «Подвергались ли репрессиям до Октябрьской революции?..» — «Нет»; «Какие препятствия мешали или мешают вашему литературному развитию?» — «Низшее образование, неимение свободного времени»; «Какие писатели оказали на вас наибольшее влияние?» — «Никакие»; «Каким литературным направлениям сочувствуете или принадлежите?» — «Никаким, имею свое».

Андрей Платонов короткое время был кандидатом в члены РКП(б), но за критику «официальных революционеров» в фельетоне «Душа человека — неприличное животное» в 1921 был исключен как «шаткий и неустойчивый элемент». В этом же году вышла его первая книга (брошюра) «Электрификация», а в следующем году в Краснодаре — сборник стихов «Голубая глубина».

На какое-то время Платонов оставляет литературный труд и полностью отдается практической работе по специальности (пролетарский писатель, по его мнению, обязан иметь профессию, а творить — «в свободные выходные часы»). В 1921–1922 он состоит председателем Чрезвычайной комиссии по борьбе с засухой в Воронежской губернии, а с 1923 по 1926 в Воронежском губземуправлении работает губернским мелиоратором, заведующим работами по электрификации сельского хозяйства. Из сохранившегося удостоверения, выданного Платонову, известно, что «под его непосредственным административно-техническим руководством... построено 763 пруда... 315 шахтных колодцев... 16 трубчатых колодцев, осушено 7600 десятин... построены 3 сельские электрические силовые установки». Это были не насильственные трудовые подвиги, а последовательная материализация взглядов Платонова, которые он изложил еще в «Российской колымаге»: «Борьба с голодом, борьба за жизнь революции сводится к борьбе с засухой. Средство победить ее есть. И это средство единственно: гидрофикация, то есть сооружение систем искусственного орошения полей с культурными растениями. Революция превращается в борьбу с природой». Позже, как человек

технически образованный и одаренный (имеющий десятки патентов на свои изобретения), он увидит экологическую опасность такой «борьбы».

В 1926 на Всероссийском съезде мелиораторов Платонов был избран в состав ЦК Союза сельского хозяйства и лесных работ и переехал с семьей в Москву. К тому времени он был женат на Маше Кашинцевой. С ней он познакомился в 1920 в Воронежском отделении пролетписателей, где она служила. «Вечная Мария», она стала музой писателя, ей посвящены «Епифанские шлюзы» и многие стихи, которые слагал Платонов на протяжении всей жизни.

Работа в ЦК Союза сельского хозяйства не заладилась. «Отчасти в этом повинна страсть к размышлению и писательству», – признавался в письме Платонов. Около трех месяцев он работал в Тамбове заведующим подотделом мелиорации. За это время написаны цикл повестей на русские исторические темы, фантастическая повесть «Эфирный тракт» (1927), повесть «Епифанские шлюзы» (о петровских преобразованиях в России) и первая редакция «Города Градова» (сатирическое осмысление новой государственной философии).

С 1927 Платонов окончательно поселяется в Москве, и следующие два года, пожалуй, можно назвать самыми благополучными в его писательской судьбе, чему немало поспособствовал Г. Литвин-Молотов. Член Воронежского губкома и редколлегии воронежских «Известий» (он и привлек молодого Платонова к работе в местных газетах), Литвин-Молотов затем возглавил издательство «Буревестник» в Краснодаре (где вышел платоновский сборник стихов), а с середины 1920-х стал главным редактором издательства «Молодая гвардия» в Москве. Именно там были изданы два первых сборника рассказов и повестей Платонова. Сохранилось несколько писем, в которых Литвин-Молотов разбирает произведения Платонова (в рукописях) и обнаруживает хороший литературный вкус, хотя и пытается удержать писателя в берегах здравого смысла (учитывать цензуру).

В это время Андрей Платонов создает новую редакцию «Города Градова», цикл повестей: «Сокровенный человек» (попытка осмысления Гражданской войны и новых социальных отношений глазами «природного дурака» Фомы Пухова), «Ямская слобода», «Строители страны» (из которой вырастет роман «Чевенгур»). Сотрудничает в журналах «Красная новь», «Новый мир», «Октябрь», «Молодая гвардия», выпускает сборники: «Епифанские шлюзы» (1927), «Луговые мастера» (1928), «Сокровенный человек» (1928), «Происхождение мастера» (1929).

Московская литературная жизнь воодушевила сатирическое перо Платонова на несколько пародий: «Фабрика литературы» (написанная для журнала «Октябрь», но опубликованная там лишь в 1991), «Московское общество потребителей литературы. МОПЛ», «Антисексус» (диалог с ЛЕФом, Маяковским, Шкловским и др.).

1929 был назван «годом великого перелома» — шло раскулачивание деревни. Перелом произошел и в литературной судьбе писателя — критики РАППа разгромили его рассказы «Че-Че-О», «Государственный житель», «Усомнившийся Макар» (статьи В. Стрельниковой «Разоблачители социализма» и Л. Авербаха «О целостных масштабах и частных Макарах»). «Усомнившийся Макар» был прочитан и самим Сталиным, который, в отличие от следующих вождей, читал все мало-мальски заметное, — он не одобрил идеологическую двусмысленность и анархичность рассказа. В глазах литературных функционеров это приравнялось к приговору. Немедленно был рассыпан набор доведенного до верстки романа «Чевенгур».

Платонов искал заступничества у Горького. Алексей Максимович, высоко ценивший его как художника, но понимавший ситуационную «неуместность» провидческого «Чевенгура», осторожно писал ему, прочтя рукопись: «Человек Вы — талантливый, это бесспорно... Но, при неоспоримых достоинствах работы Вашей, я не думаю, что ее напечатают, издадут. Этому помешает анархическое Ваше умонастроение, видимо, свойственное природе Вашего «духа». Хотели Вы этого или нет, — но Вы придали освещению

действительности характер лирико-сатирический, что, разумеется, неприемлемо для нашей цензуры».

Осенью этого же года Андрей Платонов по заданию Наркомата земледелия много ездит по совхозам и колхозам Средней России. Впечатления от увиденного складываются в сюжет повести «Котлован», над которой он начинает работать. «Сюжет не нов, повторено страданье» — эпитафия, сохранившийся в черновиках повести, подтверждает, что от первого впечатления писатель не отступил, рассказав об «апокалипсисе коллективизации» на «апокалиптическом» языке. «Котлован» и пьеса «Шарманка», завершённые в 1930, при жизни Платонова опубликованы не были. Вышедшая в 1931 в журнале «Красная новь» повесть-хроника «Впрок» только поддала жару в критическую топку, которая «переплавляла» немало писателей и то же попыталась сделать с Платоновым. Повесть назвали клеветой на «нового человека» и «генеральную линию» партии.

Андрей Платонович вынужден был направить письма в центральные газеты с признанием своих ошибок, но ответов не получил, как не получил ответа и на свое письмо к Горькому, в котором писал: «Это письмо я Вам пишу не для того, чтобы жаловаться, — мне жаловаться не на что... я хочу сказать Вам, что я не классовый враг, и сколько бы я ни выстрадал в результате своих ошибок, вроде «Впрока», я классовым врагом стать не могу и довести меня до этого состояния нельзя, потому что рабочий класс — это моя родина, и мое будущее связано с пролетариатом... быть отвергнутым своим классом и быть внутренне все же с ним — это гораздо более мучительно, чем сознать себя чуждым... и отойти в сторону».

Наступившая изоляция не заставила Андрея Платонова бросить перо. Он пишет народную трагедию «14 Красных Избушек» — о голоде в русской провинции, к которому привел «великий перелом». Командировки от Наркомата земледелия по колхозам и совхозам Поволжья и Северного Кавказа дали писателю материал для повести «Ювенильное море» (1932).

С 1931 по 1935 Платонов работал старшим инженером-конструктором в Республиканском тресте по производству мер и весов. В 1934 вместе с группой писателей побывал в Туркмении. По следам этой поездки написаны повесть «Джан», рассказ «Такыр», статьи «О первой социалистической трагедии» и др. При жизни писателя опубликован лишь «Такыр».

Следующая книга рассказов (после 1929) вышла в тревожном 1937 — «Река Потудань», куда вошли такие классические произведения, как «Фро», «Июльская гроза», «В прекрасном и яростном мире». Парадоксально, но именно это время тщательного отслеживания неблагонадежных спровоцировало появление первого и единственного при жизни писателя монографического исследования его творчества. Им стала большая обличительная статья А. Гурвича «Андрей Платонов» в журнале «Красная новь». Прослеживая творческую эволюцию писателя, Гурвич определил, что основой художественной системы Платонова является «религиозное душеустройство». По сути верно, но на фоне «безбожной пятилетки» это было политическим доносом. Платонов ответил Гурвичу в «Литературной газете» 20 декабря 1937 статьей «Возражение без самозащиты».

Задуманная Платоновым книга, вслед Радищеву, «Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году» значилась в планах издательства «Советский писатель» на 1938. Писатель проехал по маршрутам Радищева и Пушкина, собрал материал, но книга не вышла. В 1938 его пятнадцатилетний сын Тоша (Платон) по навету был арестован и осужден по статье 58/10 — «за антисоветскую агитацию». Освободили его лишь в 1941 благодаря хлопотам М. Шолохова (в то время депутата Верховного Совета СССР), который дружил с Платоновыми. Из заключения Тоша вернулся со злой чахоткой и через два года умер. Это горе Платонов не изжил до конца своих дней.

До начала Великой Отечественной войны Андрей Платонов сотрудничает с журналами «Литературный критик» и «Литературное обозрение», пишет книги «Размышления читателя» и «Николай Островский». Набор «Размышлений» под ударами критики был

рассыпан, а рукопись «Островского» затребовал ЦК ВКП(б), где она и сгинула. Платонов вынужден был зарабатывать на жизнь книгами для детей. В издательстве детской литературы вышла книга «Июльская гроза», пьесы же, написанные для Центрального детского театра — «Избушка бабушки», «Добрый Тит», «Неродная дочь» — при жизни писателя так и не увидели сцены.

Война застала Платонова в Москве. Юрий Нагибин вспоминает: «...К нам зашел Андрей Платонович. Он был совершенно спокоен. Испуганная мама бросилась к нему со словами: “Андрей Платонович, что же будет?” Он посмотрел так удивленно: “А что?.. Россия победит”. — “Но как?! – воскликнула мама. – Немцы уже в предместьях Москвы!” Платонов пожал плечами: “Как? Я не знаю, как. Пузом!”»

С 1942 и до конца войны Андрей Платонов был фронтовым корреспондентом газеты «Красная Звезда», выпустил четыре книги военной прозы: «Одухотворенные люди» (1942), «Рассказы о Родине», «Броня» (обе — 1943), «В сторону заката солнца» (1945). Вернувшись в мирную жизнь, он снова оказался в положении литературного изгоя: цензура зарубила книгу «Вся жизнь», опубликованный рассказ «Семья Ивановых» («Возвращение») — о том, что война калечит человека не только физически, но и нравственно — критика объявила клеветой на солдата-героя, Центральный детский театр не принял пьесу о Пушкине «Ученик Лицея»...

В последние годы жизни, тяжело больной (прогрессирующий туберкулез), Платонов зарабатывал на хлеб переложением народных сказок. Материально его поддерживали Шолохов и Фадеев, который когда-то «по должности» обрушивался на «Усомнившегося Макара» Шолохов помог и с изданием книг сказок «Финист — Ясный Сокол», «Башкирские народные сказки» (обе — 1947), «Волшебное кольцо» (1949). Жил Платонов во флигеле Литературного института имени М. Горького. Кто-то из литераторов, увидев, как он метет двор под своими окнами, запустил легенду, будто он работает дворником.

Андрей Платонов уходил из жизни непризнанным. Один из самых значительных писателей XX века, главные свои произведения — роман «Чевенгур», повести «Котлован», «Ювенильное море», «Джан» — он не увидел опубликованными. Когда в хрущевские шестидесятые робко стали появляться первые платоновские книги (еще не главные), в каждом интеллигентском доме красный угол занимал портрет Хемингуэя, который в своей Нобелевской речи называл Платонова среди своих учителей.

В 1951 Андрей Платонов ушел из жизни. Похоронен он в Москве на Армянском кладбище рядом с сыном.